

С.Ю. Колесникова, А.А. Девякович

РЫБОЛОВЕЦКАЯ И КАЛЕНДАРНАЯ ЛЕКСИКА СЕЛЬКУПОВ.
МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обозначается проблема изучения лексики селькупского языка. Отмечается, что традиционные методы лингвистики не всегда эффективны при анализе бесписьменного языка исчезающего этноса. Описываются и апробируются авторские методики. Констатируется, что предложенные авторами схемы анализа лексики позволяют выявить и уточнить многие особенности языка селькупов, а также любого бесписьменного языка исчезающего (исчезнувшего) этноса.

Ключевые слова: бесписьменный язык; методология; исследование; семантическое значение; реконструкция.

Исследование языка ранее бесписьменного этноса – задача невероятно сложная, вытекающая из двух составляющих факторов: особенности языка не были письменно отражены, и на сегодняшний день нет возможности зафиксировать их полно и качественно по причине отсутствия носителей.

Хорошо известные на сегодняшний день методы исторического и системно-структурного направлений в лингвистике, несмотря на их целесообразность и бесспорную эффективность, не лишены погрешностей и не позволяют полностью раскрыть многие языковые феномены. В частности, спорные выводы можно увидеть при анализе лексики селькупов по теме «Времяисчисление». Рассмотрим некоторые из них.

1. В языках большинства народов Сибири зафиксированы термины, обозначающие слово «месяц»: хант. *ики*, манси *этпос*, нен. *ирь*, *ирий*, эн. *дири*, нг. *кичеда*, сельк. *ирэти*, кет. *гип*, *кип*, як., долг. *бј*, ороч. *биани*, нан. *биа*, удэ *бя*, нивх. *лонг* и др. На основании данного факта отдельные авторы высказывают предположение, что календари указанных народов в прошлом были лунными. Другие же исследователи полагают, что термин «месяц» в применении к этим календарям являлся условным. Добавление этого термина объясняется русским влиянием, хорошим знакомством коренных сибирских народов с русским календарем [1. С. 201, 218, 222]. Не совсем понятно, отражают ли зафиксированные слова со значением «месяц» особенности селькупского языка и традиционной культуры народов (и был ли у этих народов месяц, лунный месяц, лунный календарь), либо эти слова являются заимствованиями и служат для обозначения привнесенной системы счета времени и пр.

2. Некоторое противоречие наблюдается также при этимологическом анализе селькупского слова «год» (ро). В селькупском языке и во многих других уральских языках зафиксированы слова со значениями «год», «осень». По мнению К. Редеев, слова с этим значением реконструируются до прауральского **ärn* – «год» (wotj – *ar*, *arm* – год; sytj – *ar* – осень; wog – *oarem* – время; jur – *äerb* – осень; twg – *narro* – осень; selk – *ara*, *ära* – осень; kam – *ere* – осень; koib – *ire*; mot – *iriu*; karag – *урью*) [2. Р. 26]. Однако непонятно, каким образом реконструированный корень имеет значение «год», если реконструируемые лексемы имеют, в основном, значение «осень».

Вызывает вопрос и наличие (наряду с уральской основой для слов со значением «год») совсем иной

реконструированной основы с этим же значением «год» финно-угорского лексического пласта: *ole* (*phle*) – «Jahr» («год») [2. Р. 335]. Не исключено, что приведенные лингвистические реконструкции являются неточными.

3. Еще один пример, приводимый уже неоднократно, в предыдущих работах, касается изучения соответствия между словами со значениями «весна», «зима» в селькупском и кетском языках. По поводу возникновения этих слов существуют разные мнения.

А. Весна. Для обозначения данного понятия селькупы использовали лексему *Ytid* (и ФВ), кеты – *yed'*. По мнению Haidu P., селькупская лексема является заимствованием из енисейских языков: нен. *jotti*, сельк. *odeD* < кет. *yed* (весна). Joki A. отмечает, что самодийские лексемы со значением «весна» (нен. *djotti*, сельк. *odaD*) заимствованы из енисейских языков, причем наблюдается соответствие: сельк. *odaD* – весна, кет. – *yed*, *yedi*, тиб. – *dpyid* [3. С. 261, 265]. Противоположной точки зрения относительно направления заимствования придерживается К. Bouda: Jen. *yed(i)*; kott. *iji* – Frühling (весна) < sam. *ytid* [4. Р. 74].

Б. Зима. Лексемы со значением «зима» отмечены в языках самодийцев и енисейцев, где сельк. *ka*, *ke*, *ка-масс. kha* заимствованы из енисейских языков. Lewy E. отметил также следующие соответствия: кет. *kete* – зима, кот. *keti* – зима, и тиб. *dgun* [3. С. 265, 270]. Некоторые авторы высказывают, однако, противоположное мнение: не самодийский корень заимствован из енисейских, а наоборот [5. С. 91].

Есть третье мнение, заключающееся в том, что самодийские корни со значением «зима» (сельк. *ka*, *ка-масс. kha*), вероятнее всего, никак не связаны с енисейским корнем **gate* – «зима» [6. С. 144–237].

Видно, что исследование появления календарных названий со значением «весна», «зима» в селькупском и кетском языках приводит к противоречивым выводам. Исходя из вышеизложенного, в данной статье предлагается провести анализ рыболовецкой и календарной лексики селькупского языка в рамках нового в лингвистике направления – лингвокультурологии – с использованием общеизвестных лингвистических методов, а также частных методик авторов.

Основными лингвистическими методами исследования являются широко применяемые методы:

– сравнительно-исторический (лингвистический), обеспечивающий исследование от исторически зафиксированного состояния языка к первоначальному

(включающий в себя обзор этимологических исследований);

– словообразовательный анализ, включающий определение структуры слова, выявление значения составляющих его морфем, а также связей и отношений между ними и последующее установление деривационного значения слова.

Суть частных методик авторов заключается в ответственном привлечении и анализе данных смежных наук.

1. Так, в процессе исследования рыболовецкой лексики селькупского языка был разработан и применен метод комплексной реконструкции семантики слова. Сама по себе семантическая реконструкция представляет собой процедуру восстановления древнего или предшествующего значения слова, которая тесно связана с формально-фонетической, словообразовательно-лексической и праязыковой реконструкцией в целом [7. С. 197]. Однако изучение семантики селькупской рыболовецкой лексики представляется несущественным без привлечения этнографического и ихтиологического материала ввиду того, что многие факты этнографии и ихтиологии помогают понять и объяснить лингвистический материал. Так, лингвист сосредотачивает свое внимание на этимологии лексемы, рассматривает внутреннюю форму слова [8. С. 48], его словообразовательные элементы, а для прояснения семантического значения той или иной лексической единицы обращается к сведениям, накопленным этнографами и ихтиологами.

Рассмотрим некоторые примеры применения метода комплексной реконструкции семантики.

В селькупском языке существует выражение ел. *сэ́кый қылеймы* буквально «белая рыба». Данные ихтиологии помогают нам конкретизировать значение этого выражения. По материалам А.Е. Аникина и Б.Г. Иоганзена устанавливаем, что в понятие «белая рыба» включается вся белая частичковая рыба, заходящая из моря [9. С. 351], а также некоторая речная рыба, которая представляет семейство лососёвые [10. С. 49].

Семейство лососёвые делится на 3 подсемейства: сиговые (3 рода), собственно лососёвые (7 родов) и хариусовые (1 род) [11]. В реках Западной Сибири встречаются представители всех трех подсемейств.

Из сигов в Оби и прилегающих реках селькупы промышленно:

- собственно сига или пыжьяна – таз. *си́гур*;
- тугуна – таз. *ту́куп*, таз. *ще́нка*;
- пелядь или сырка – таз. *šity*, об. Ш *шэ́ды*, *шэ́д*, об. Ч *шэ́д*, об. С *сэ́т*, тым. *šк"д*;
- чира или шокура – таз. *урқу*;
- муксуна – об. С, ел. *кур*, таз. *қоры*, об. Ш. *қор*, об. Ч *кэ́гор*, тым. *š"ör*; и
- нельму – таз. *wэ́нты*, ел. *мендя*, тур. *түңтү*, об. Ш *шэ́д*, об., кет., тым., вас. *ванжэ* ~ *ванжэ*.

Из лососёвых в реках Западной Сибири можно встретить:

- тайменя – таз. *тини*,
 - ленка – тым. *žuro*,
- а из хариусов – собственно хариуса – тур. *пүля қылы*, таз. *qфсан моқир*.

Представители семейства лососёвые относятся к проходным и пресноводным формам рыб. Некоторые из них – нельма, муксун, тугун, сиг (пыжьян) – обитают в Обской губе и заходят в Обь и ее притоки только для нагула и нереста. Причем некоторые даже не достигают среднего течения Оби, оставаясь в ее низовьях. Так, нерест муксуна проходит выше Нарыма по Оби, а сиг и тугун совсем отсутствуют в пределах Нарыма, нельма для нагула не проходит дальше низовья Оби, а для нереста поднимается в р. Катунь [10. С. 49–51].

Что касается пресноводных представителей семейства лососёвые, то чир, хариус, пелядь и таймень обитают преимущественно в местах не выше устья Северной Сосьвы, обычно в этих же широтах проходит их нерест. Исключение составляет лишь ленок, который обитает в реках Горного Алтая и в верховьях Оби [12].

На основании этих данных Б.Г. Иоганзен приходит к выводу, что большая часть лососёвых добывается в низовьях Оби, а в Нарыме их вылов достигает 3–4% от веса всей добываемой там рыбы [10. С. 49]. Особенности обитания данных видов рыб отражены в диалектах селькупского языка. Так, в диалектах южного ареала отсутствуют лексемы, обозначающие таких рыб, как тугун, таймень, хариус, сиг (пыжьян), чир (шокур), и, напротив, в диалектах северного ареала не встречается лексического эквивалента названию рыбы ленок. Данный факт имеет место по причине того, что селькупы северного и южного ареалов проживания не встречались в хозяйстве с данными видами рыб.

В тазовском диалекте селькупского языка также была зафиксирована лексема *selča* – сельдь, которая также может быть отнесена к «белой рыбе» согласно определению А.Е. Аникина [9. С. 351]. Небольшие популяции данного вида рыбы были обнаружены в 30-х гг. XX в. вблизи устья Оби. Быстрый прогрев мелководий летом создает удовлетворительные условия нагула молоди и взрослых рыб [13], соответственно, селькупы северного ареала знали эту рыбу и могли промышленно ее. Отсутствие лексемы в диалектах южного ареала подтверждает тот факт, что данная порода рыбы была неизвестна южным селькупам.

Таким образом, материалы ихтиологии помогают нам не только прояснить семантику составного наименования ел. *сэ́кый қылеймы* «белая рыба», но и дают возможность объяснить наличие и отсутствие лексем, обозначающих некоторые виды рыб в диалектах селькупского языка в зависимости от ареала проживания.

Еще один пример, демонстрирующий различия в наименованиях рыб, был обнаружен нами в ходе исследования. В южном ареале селькупы различают белого караса или караса серебристого – тым. *тягэХ тут*, об. Ч *тягэ тут* и красного или караса золотистого – тым. *рада*, об. Ш, Ч *пада*, кет. *патта*. В основу данного противопоставления заложен дифференциальный признак «цвет рыбы», который отразился в процессе номинации: лексема об. Ч *тягэ*, тым. *тягэХ* означает «белый», в то время как об. Ч, Ш, тым. *падэ* – «желтый», «зеленый» – цвета, которыми отлива-

ет чешуя данной рыбы. В северном ареале подобного разграничения нет, возможно, ввиду того, что северные селькупы большей частью промыслили на реках и добывали белого (серебристого) карася, в то время как красный (золотистый) карась предпочитает застойную воду в мелких озерах [14. С. 20–23], а посему его промыслили в большей степени в южном ареале расселения селькупов.

Интерес в селькупском языке представляют лексические единицы, выражающие понятия «мелкая рыба» и «малёк». Первое понятие представлено выражением кет. *нырсай* *квэХл*, которое восходит к слову об. С, тым., тур. *нырса*, тым. *ныриша*, вас. *нэриэХ*, кет. *нэХрса*, об. Ч, тым. *нэХриша*, таз. *niršä* «ёрш» и буквально переводится как «ершовая рыба». Размер ерша довольно мал, около 10 см [15], поэтому селькупы могли расценивать ерша и любую другую рыбу подобного размера как мелкую. В подтверждение данной гипотезы может служить наличие слов со схожей семантикой в родственных селькупскому языках: низям. *НмхБКкэ* «ёрш», манс. *Nirkwe* ~ *Nirk* ~ *Nirqu* ~ *Nirk3* ~ *Nark* ~ *Nirkm* ~ *Nirki* «мальки, маленькие рыбки» [9. С. 412].

Аналогичная ситуация обнаруживается в паре синонимов со значениями «малёк» тур. *нёня*, вас. *нёйэ*, кет. *нёра*, об. Ч *ниа*, кет. *нюра* и «мелочь» таз. *нёня*, кет. *n'orra*, тым. *ндъ@Б*. Кет. *нёра* «малёк» созвучно с кет. *нёппа* «чебак», также согласно записям Кастрена кет. *Norra* «мелкая рыба, чебак» [16. С. 235], который достигает в длину в среднем лишь 20–22 см [17], поэтому вероятно, что рыба такого размера ассоциировалась у селькупов с молодью и мелкой промысловой рыбой. Возможен и вариант связи кет. *нюра* с кет., вас., об. С, Ч *нюр* «заливной пойменный луг» — излюбленное место молодежи для нагула.

Материалы этнографии нам пригодились в процессе реконструкции семантики лексем, обозначающих орудия рыбной ловли, их компоненты, а также сам процесс добычи.

Понятие «рыболовное снаряжение / ловушка» представлено в диалектах селькупского языка вариантно-синонимическим рядом: тым. *поқэ челэХмла* «рыболовное снаряжение» = вас. *лаңа* «ловушка для рыбы» = об. С, Ч, тым. *таур*, об. С, Ч *тавур* «ловушка для рыбы».

Проведем реконструкцию семантики данных синонимов. Составное наименование тым. *поқэ челэХмла* «рыболовное снаряжение» включает лексему тым. *поқ* «сеть», из чего делаем вывод, что под этим словосочетанием понимаются сетные ловушки. Об. С, Ч, тым. *таур*, об. С, Ч *тавур* означает «ловушка для рыбы» или «запор». Под запором селькупы понимали плетеную из прутьев рыбозаградительную стенку, служащую для задержания рыбы, с целью ее последующего вылова другими рыболовными приспособлениями, запор лишь повышал эффективность действия орудий лова, но таковым сам не являлся [9. С. 512; 18. С. 48; 19. С. 5]. Этимология лексемы вас. *лаңа* «ловушка для рыбы» не установлена, хотя не исключена связь с лексемой вас. *ла* «язы», поэтому может обозначать орудие для ловли этой промысловой рыбы.

Проанализируем лексему со значением «грузило к неводу» об. Ч *кибас* — элемент рыболовного снаряда, обычно изготавливаемый из камня, зашитого в бересту, или из глины в виде сплюснутого шарика с отверстием в середине. Представленная лексема имеет эквиваленты во многих языках, диалектах и говорах:

- тобол., сиб., том., обск.-енис., забайк., камч., арх., беломор., вят., печор. и др. *кибас*;
- заур., нарым., ирк., прибайк., урал. *кибасья*;
- ирк., бурят., урал. *кибас*;
- том. *кыбас*;
- прибайк. *кибас*;
- тобол. *кибас* (= *кибас*);
- ст.-рус. *хѣбус*.

Первоначальная форма *кибас* < п.-фин., ср. фин. *kives* «грузило на сети» (хант. *kew* «камень», олонец. *kives*, вепс. *k'ive* «камень») [9. С. 286]. В соответствии с представленной этимологией слова об. Ч *кибас* можем предположить развитие его значения: «камень» > «грузило на сети» > «грузило к неводу».

Интерес также представляет синонимический ряд со значением «колышек для укрепления самолова» / «сошка для самолова», представленный в диалектах селькупского языка лексемами: об. С *қаддэқайно* = об. С *карбай по* = об. С *поңгэХно*, вас. *поқолбо*. Реконструкция семантики указанных лексем выявила следующие особенности. Первая лексема об. С *қаддэқайно* «колышек для укрепления самолова» имеет общий корень с глаголом *қаддыйгу* «замёрзнуть, оконечить», а также согласно несохранившемуся селькупскому источнику родственна с нарымским глаголом *qandepTagu* «морозить, охлаждать». Исходя из этого факта, А.Е. Аникин предполагает, что слово *қаддэқайно* дословно переводится как «примороженная палка» [9. С. 256]. Возможно, данное наименование закрепилось за орудием промысла в процессе подледной рыбалки самоловами.

Второй компонент данного синонимического ряда об. С *карбай по* «сошка для самолова» — это составное наименование, включающее лексему об. Ш, нар. *карба* «самолов» + об. *по* «палка» > «палка, сошка для самолова».

Третий элемент об. *поңгэХно*, вас. *поқолбо* «сошка для самолова» имеет в своем составе лексему кет. *поңгэХ*, об. С *поқ* «сеть» + об. *по* «палка», что в свою очередь конкретизирует семантику приведенных синонимов — «колышек для укрепления сети самолова».

Проследим развитие значения в лексеме со значением «поплавок к неводу» об. С *ка́зь*, об. Ч *ка*, нар. *ка*. Сама лексема восходит к слову *qasə* «кора», также ср. сев. *kaas* «древесная кора» — материал, который являлся основным для изготовления поплавков [20. С. 201]. Таким образом, можно установить, что значение лексемы об. Ч *ка* развивалось в направлении: «кора» > «поплавок из коры» > «поплавок» > «поплавок к неводу» [9. С. 271].

Проанализируем несколько глаголов селькупского языка, обозначающих процесс рыбной ловли. Например, таз. *nipy'nyrqo* (*nipyšqo*) «удить рыбу». Данный глагол образован от существительного *nip* «рыболовный крючок, удочка» при помощи формантов *-nyr-* и *-A-*, добавляющих деривату значение «производить

заготовки чего-либо», «промышлять, готовить запасы» [21. С. 44–45, 47]. Согласно «Очеркам по селькупскому языку» тазовский глагол *nipy'nyrqo* (*nipyšqo*) выражает процесс ловли при помощи удочки в проруби, причем данная семантическая особенность конкретизируется видом рыбы: обычно так происходит ужение налима [22. С. 345]. При этом этнографические данные подтверждают, что в зимний период крючковые снасти играли заметную роль в промысле данного вида рыбы [23. С. 22, 37].

Рассмотрим еще один глагол – таз. *kuntyo* «поставить, растянуть сеть». Компонентный анализ глагола показывает на возможную связь с существительным *kincy* «запор», который, как уже указывалось выше, обозначает рыбозаградительное сооружение, используемое для удержания рыбы и последующего ее вылова сетью, неводом или другими орудиями [18. С. 48; 19. С. 5]. Таким образом, данный факт позволяет нам сделать вывод, что значение тазовского глагола *kuntyo* «поставить, растянуть сеть» развилась в результате схожести действий – «запирать реку», т.е. ставить заградительное сооружение и «растягивать сеть» поперек реки, т.е. заграждать реку сетью.

Представленный анализ рыболовецкой лексики доказывает, что материалы смежных наук – этнографии и ихтиологии – играют значительную роль при изучении селькупского языка, помогают реконструировать семантику лексических единиц, объяснить причины отсутствия или присутствия некоторых лексем в тех или иных диалектах селькупского языка.

2. Календарная лексика селькупов исследуется в данной статье с помощью авторской методики, представляющей собой совокупность трех методов исследования.

А. В рамках лингвистического исследования используется следующая методика: в работе рассматриваются, с одной стороны, интерпретации информантами того или иного временного промежутка, а с другой стороны, дословные переводы названий этих временных промежутков, даваемых автором. При этом дословные переводы принимаются за базовые при ведении анализа, как наиболее приближенные к исконному смыслу. Дословные переводы, в силу неразрывности пространственно-временных представлений у народов рассматриваемой системы хозяйствования, максимально полно отражают мировоззренческий аспект носителей и позволяют исследователю приблизиться к его пониманию. Интерпретации информантов позволяют выявить динамику процессов, происходивших при формировании календарных названий. Наблюдаемые несоответствия между дословным переводом и интерпретацией информанта указывают на закономерности, сопровождающие процесс образования специфического календарного массива. Это, в свою очередь, будет способствовать как возможности реконструкции, так и прогнозирования наполнения календаря на различных этапах развития данного общества.

Б. Применяется частная методика «сравнения с реалиями», направленная на детальное исследование всех необходимых реалий, окружающих носителей селькупской культуры и являющихся обязательной составляющей жизнедеятельности селькупов. Под

понятием «реалии» понимаются: экологическое окружение носителей языка (флора, фауна, географическая локализация и климатические особенности), общественно-социальный строй, материальная и духовная культура, хозяйственная деятельность и образ мышления селькупов и соседствующих с ними этносов. Рассмотрение календарной лексики сопровождается детальным сопоставлением с теми реалиями, которые имели место в разные периоды существования селькупского общества: климатические изменения, миграции представителей животного мира (птиц, рыб, промысловых животных), сезонные колебания в растительном мире, смена приоритетов в хозяйственной деятельности, возможные изменения в образе мышления и восприятия окружающей действительности в связи с усложняющейся системой хозяйствования, контакты со схожими и принципиально различными по хозяйственному укладу народами (кеты, тюрки, русские и пр.). Рассмотрение таких реалий, как особенности социально-общественного строя, культурного типа, особенно важно при изучении вопроса об осознании и счете времени, ибо «человек не рождается с чувством времени, его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит» [24. С. 27]. Время как объективная форма существования материи по-разному отражается в сознании людей, и «это прежде всего зависит от конкретно-исторических условий и от общего уровня исторического развития данного народа» [25. С. 250].

В. Метод «этнографических аналогов» заключается в том, что «при сходном уровне приобретения «жизненных средств», сходной экологии, принадлежности к одному хозяйственно-культурному типу можно сопоставлять однотипные общества независимо от их пространственного расположения и культурной преемственности» [26. С. 42; 27. С. 26–42; 28. С. 60–107]. Этот метод находит широкое применение по той причине, что селькупы являлись ранее бесписьменным этносом, а проследить особенности исконной культуры селькупов крайне сложно. Многие элементы культуры селькупов можно восстановить по лексическим данным, археологическим находкам и пр., но они не дают полной картины культурного своеобразия этноса.

Указанный этнографический метод позволит расширить границы познания особенностей утраченной селькупской культуры. При проведении реконструкции календаря селькупов рассматриваются особенности счета времени членами обществ с традиционной культурой, но которые сравнительно хорошо исследованы на сегодняшний день. Характерные черты их понимания времени и берутся за базовые. На этой основе реконструируются предположительные типичные черты селькупского времяисчисления.

С помощью описанной авторской методики проведем детальный анализ селькупского слова «ро», которое в словарях и экспедиционных записях проводится как «год».

Слово «ро» (и его варианты *пиш*, *номъ*, *рф*, *рфты*, *рио*, *номъ*) зафиксированы в XVIII–XX вв. в разных местах проживания селькупов. Опираясь на эти дан-

ные, можно было бы утверждать, что селькупы оперировали указанным понятием. Учитывая, что селькупы (ранее бесписьменный этнос) к моменту сбора материала были уже достаточно сильно ассимилированы русскими переселенцами, факт наличия у селькупов понятия «год» можно поставить под сомнение. Причина возникших сомнений заключается в том, что обширный этнографический материал по народам мира позволяет рассуждать о проблеме: было ли на самом деле типичным для обществ с традиционной системой хозяйствования представление о «годе» (лунном, солнечном).

Проанализировав имеющиеся данные о времяисчислении, календарях традиционных обществ, мы считаем, что для членов этих обществ понятие «год» не являлось необходимостью, и поэтому «год» не мог быть сформирован в недрах обществ с традиционной культурой, а был характерен для земледельческих обществ. Иными словами, можно говорить о том, что понятия «год» (солнечный, лунный) и слова со значением «год» (как мы себе представляем это понятие и значение слова) у селькупов – традиционного этноса – не должно было быть. Понятие «год», вероятно, было заимствовано из русской культуры. В результате тесных контактов с пришлым населением возникла необходимость соотнести свою хозяйственную деятельность с русским хозяйственным укладом, что и привело к заимствованию элементов русской культуры. Привнесенная новая система отсчета времени колонизаторов (в том числе григорианский календарь) способствовала процессу возникновения новых понятий, связанных с временными категориями. Следствием этих процессов и стало появление понятия «год».

Что касается появления селькупской лексемы «ро» для обозначения понятия «год», то можно предположить, что слово со значением «год» явилось результатом семантического развития иной селькупской лексемы. В основе слов с этим значением лежит корень «ро». Возможно, некогда этот корень имел в селькупском языке (самодийских языках) вполне конкретное значение, связанное совсем не с абстрактным понятием «год», а с каким-либо конкретным явлением жизни, но в результате семантического развития произошла замена этого конкретного значения на более абстрактное. Такое явление имеет место и в других языках, например:

– (нем.) *Jahr*, (англ.) *year* (год), (греч.) *ωρα* (сезон) <*ei – «идти»;

– (фр.) *année* (год) < (лат.) *annus* <*at-nos (идти, идущий) [29. С. 28].

Учитывая, что слово «ро» имеет два значения – «год», «дерево, дрова» [30. С. 151], возможно предположить, что значение «год» является результатом семантического развития «дерево; нечто, связанное с деревом, ростом дерева и т.д.» → «год». Известно, что после похорон селькупы втыкали в землю (возле могилы) небольшое деревце или ветку [31. С. 296]. Кроме этого, у селькупов отмечен обычай – на протяжении всей жизни «следить» за тем деревом, под которым родился человек [32. С. 404]. Не исключено, что есть связь между годом, деревом и жизненным циклом человека. При этом исходным мотивом семанти-

ческого развития является заимствование понятия «год», вероятно, у русского населения.

На основании сказанного можно говорить о том, что, скорее всего, понятие «год» является заимствованием из русской культуры, а механизмом появления селькупского слова со значением «год» представляется возможная семантическая эволюция лексемы «ро» – «дерево».

Возвращаясь к этимологическому анализу слова «ро» К. Редеи, можно согласиться, что слово прослеживается до прауральской основы *ǃrɨn, но очевидно, что ее значения «год», «осень» ошибочны.

Аналогичным образом можно провести анализ слова «ireä» (и его вариантов). Лингвистические данные свидетельствуют, что слово «ireä» – «месяц» восходит к самодийскому лексическому слою и имеет значения «месяц, луна». Видимо, это слово изначально возникло для наименования небесного объекта (луны), служащего самодийцам для ориентации в пространстве и для координации по времени их совместной деятельности. В процессе эволюции общества (под влиянием чуждой культуры) появилось новое абстрактное понятие – месяц как часть года, результатом чего стало расширение значения селькупского слова «ireä», которое приобрело абстрактное значение «месяц».

В экспедиционных записях ученых Томского государственного педагогического университета встречается большое количество примеров с употреблением слова «месяц», в частности:

1) «*tep èsan mat'oukn okki ir'é*» – «он пробыл на промысле один месяц»;

2) «*mat erét paroUot kBKlkViUa*» – «я весь месяц рыбачил» и пр.

Можно предположить, что данные предложения могли возникнуть сравнительно давно, но значение их было несколько иное: не «он пробыл на промысле **один месяц**», а «он пробыл на промысле **одну луну**», не «я **весь месяц** рыбачил», а «я **всю луну** рыбачил». Эти фразы могли сформироваться в далекие времена, когда счет времени селькупам велся именно с помощью отсчета «лун». Переводы фраз с употреблением слова «месяц» могли быть осуществлены неверно по причине влияния русской культуры.

На основании вышесказанного можно резюмировать, что слово «ireä» обозначало изначально небесный объект «луна (месяц)». В результате заимствования, вероятно, из русской календарной системы понятия «месяц» – временной промежуток григорианского календаря – произошло семантическое расширение лексемы: ireä – луна (месяц) → месяц, период времени, равный 1/12 года.

Приведенные примеры подтверждают мысль Э. Сепира о том, что «слово из фонда культурной лексики может быть, безусловно, древнего происхождения, но из-за изменений в значении оно может обозначать вовсе не настолько древнее, по крайней мере в его современном виде, культурное понятие» [33. С. 544].

Итак, мы продемонстрировали, что слова «ро», «ireä» могли происходить от очень древних корней (прауральского и прасамодийского языков-основ) с первоначальными значениями «дерево», «месяц, лу-

на – небесные объекты», но понятия и значения «год» и «месяц – 1/12 часть года» привнесены из другой культуры, возможно русской.

В статье представлен анализ селькупской лексики в рамках лингвокультурологического подхода, на основе общеизвестных лингвистических методов и авторских методик.

Проведенное исследование рыболовецкой и календарной лексики селькупов показало следующее:

1. По составу рыболовецкая лексика в диалектах селькупского языка неоднородна, что является следствием различий в укладе жизни этнических групп и ведении хозяйства в зависимости от ареала проживания. Имеющиеся семантические особенности лексем удалось установить благодаря применению авторского метода комплексной реконструкции семантики. Сопоставление языкового материала с данными ихтиологии и этнографии помогло нам не только объяснить наличие лексических лакун в диалектах селькуп-

ского языка, но и проследить развитие значений слов и составных наименований.

2. Календарные лексемы «*po*», «*ireä*» являются типичными для языка селькупов; изначально имели значения: «дерево; нечто, связанное с деревом, ростом дерева», «месяц, луна (небесные объекты)». Появление новых значений этих слов «*po*» – «год», «*ireä*» – «месяц как 1/12 часть года» можно рассматривать как результат семантического развития лексем под влиянием иной (русской) системы времяисчисления. Применение авторской методики позволило выявить особенности календарной лексики и времяисчисления селькупов.

3. Предложенная совокупность лингвистических методов и авторских методик является достаточно эффективной для выявления языковых особенностей селькупского языка, и может быть применена в качестве схемы исследования лексики любого бесписьменного языка исчезающего или исчезнувшего этноса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Календарь в культуре народов мира. М. : Наука, 1993. 272 с.
2. Redei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Lieferung 1–3. Budapest, 1986. 593 s.
3. Топоров В.Н. Библиография по кетскому языку // Кетский сборник. М. : Наука, 1969. С. 243–283.
4. Bouda K. Die Sprache der Jenissejer. Genealogische und morphologische Untersuchungen. Anthropos, 1957. Bd. 52. 134 s.
5. Поляков В.А. Способы лексической номинации в енисейских языках. Новосибирск : Наука, 1987. 117 с.
6. Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Л. : Наука. 1982. С. 144–237.
7. Трубачёв О.Н. Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988. С. 197–222.
8. Куланда С.В. Системы терминов родства и праязыковые реконструкции // Алгебра родства. СПб., 1998. С. 47–74.
9. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов в Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва ; Новосибирск : Наука, 2000. 768 с.
10. Иоганзен Б.Г. Рыбы бассейна реки Оби : научно-популярный очерк. Томск : Изд. Том. гос. ун-та, 1948. 62 с.
11. Семейство лососёвые // Растения и животные. 2003–2009. URL: <http://www.floranimal.ru/families/3318.html> (дата обращения: 04.04.2020).
12. Энциклопедия рыб. URL: <http://fish-book.ru/> (дата обращения: 05.04.2020).
13. Сельдь восточная // Растения и животные. 2003–2009. URL: <http://floranimal.ru/pages/animal/s/3274.html> (дата обращения: 05.04.2020).
14. Иоганзен Б.Г. Рыбные ресурсы Томской области и культура их освоения // Рыбное хозяйство Томской области и продуктивность водоемов / отв. ред. В.Т. Макаров. Томск : Изд. Том. гос. ун-та, 1951. С. 9–40.
15. Ёрш // Растения и животные. 2003–2009. URL: <http://www.floranimal.ru/pages/animal/jo/3963.html> (дата обращения: 04.04.2020).
16. Кастрен М.А. Лапландия. Карелия. Россия // Сочинения в двух томах / под ред. С.Г. Пархимовича. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т. 1. 256 с.
17. Чебак // Растения и животные. 2003–2009. URL: <http://www.floranimal.ru/pages/animal/ch/3509.html> (дата обращения: 04.04.2020).
18. Иоганзен Б.Г., Петкевич А.Н. Промысел рыбы ловушками на водоёмах Сибири. Новосибирск : Изд-во Главсибрыбпрома, 1948. 71 с.
19. Иоганзен Б.Г., Петкевич А.Н. Запорный промысел рыбы в Западной Сибири и его рационализация. Томск : Красное знамя, 1945. 38 с.
20. Кулемзин В.М. Васюган и Вах: от Сирелиуса до современности // Труды музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 1. С. 199–207.
21. Кузнецова Н.Г. Суффиксы отыменной глагольной деривации в диалектах селькупского языка // Linguistica Uralica. Tallinn, 1990 (1). XXVI. С. 43–56.
22. Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. Т. 1, Вып. 8. 411 с.
23. Головин А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. 204 с.
24. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М. : Искусство, 1972. 318 с.
25. Токарев С.А. Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи // Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л. : Наука, 1972. 288 с.
26. Файнберг Л.А. О возможных этнографических аналогах первобытного общества охотников и собирателей // Советская этнография. 1981. № 6. С. 42–51.
27. Першиц А.И. Этнография как источник первобытноисторических реконструкций // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М. : Наука, 1979. С. 26–42.
28. Кабо В.Р. Теоретические проблемы реконструкции первобытности // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М. : Наука, 1979. С. 60–107.
29. Кормушин И.В. К методике сравнительного изучения алтайских языков // Проблема общности алтайских языков. Л. : Наука, 1971. С. 22–30.
30. Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект : учеб. пособие. М., 1993. 196 с.
31. Гемуев И.Н., Пелих Г.И. О погребальной обрядности селькупов // Acta Ethnographica Hungarica. 1983. № 38 (1–3). Р. 287–308.
32. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1994. Т. 2. 475 с.
33. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс, 1993. 655 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 августа 2020 г.

Fishing and Calendar Vocabulary of the Selkup Language. Methodology of Research

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 132–139.

DOI: 10.17223/15617793/459/17

Svetlana Yu. Kolesnikova, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Svetlana_kolesnikova_64@mail.ru

Anna A. Deviakovich, United Toll Systems LLC (Moscow, Russian Federation). E-mail: annadeviakovich@gmail.com

Keywords: unwritten language; methodology; research; semantic meaning; reconstruction.

The well-known methods of historical and systemic-structural linguistic domains do not allow revealing many linguistic phenomena of the unwritten Selkup language in their entirety. The article presents an analysis of fishing and calendar vocabulary of the Selkup language within the new linguistic approach called linguoculturology using the original authors' methods and well-known linguistic ones. The main linguistic methods of the research are comparative historical method and word formation analysis. The essence of the original authors' methods is the involvement of data from the related sciences. Within the study of the Selkup fishing vocabulary the method of complex semantic reconstruction was developed and applied including the restoration of the ancient/prior lexical meanings with the involvement of ethnographic and ichthyological materials that help to clarify semantics. The analysis of calendar vocabulary includes the combination of three methods: (A) the interpretation of time intervals by informants and word-based translation of these time intervals by the authors; (B) an original method of "comparison with realities" aimed at a detailed study of all realities that are an integral part of the Selkup vital activities; (C) a well-known method of "ethnographic analogues". The research showed the following results. The representation of fishing vocabulary in the Selkup dialects is varying, which is the consequence of different ways of life and housekeeping depending on the area of residence. The features of semantic meanings were clarified due by applying the authors' method of complex semantic reconstruction. The juxtaposition of language data with ichthyological and ethnographic materials helped both explain the lexical gaps in the Selkup dialects and trace the development of semantic meanings of words and compound units. Calendar lexemes "po" and "ireä" are typical for the Selkup language. Their initial meaning was "tree; something related to a tree or tree growth" and "moon" respectively. The appearance of new meanings: "year" in "po" and "month, 1/12 of a year" in "ireä" can be a result of semantic development affected by a different (Russian) calendar system. The application of the author's methods made it possible to identify the peculiarities of the Selkup calendar vocabulary and time reckoning. The proposed set of linguistic approaches and original authors' methods is effective enough to identify the Selkup language features and can be applied in research of vocabulary of any unwritten language of an endangered or extinct ethnic group.

REFERENCES

1. Frolov, B.A. et al. (1993) *Kalendar' v kul'ture narodov mira* [Calendar in the culture of the peoples of the world]. Moscow: Nauka.
2. Redei, K. (1986) *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*. Lieferung 1–3. Budapest: Akademia Kiado.
3. Toporov, V.N. (1969) Bibliografiya po ketskomu yazyku [Bibliography on the Ket language]. In: Ivanov, Vyach.Vs. et al. (eds) *Ketskiy sbornik* [Ket collection]. Vol. 2. Moscow: Nauka. pp. 243–283.
4. Bouda, K. (1957) *Die Sprache der Jenissejer. Genealogische und morphologische Untersuchungen*. Bd. 52. Anthropos.
5. Polyakov, V.A. (1987) *Sposoby leksicheskoy nominatsii v eniseyskikh yazykakh* [Methods of lexical nomination in the Yenisei languages]. Novosibirsk: Nauka.
6. Starostin, S.A. (1982) Praeniseyskaya rekonstruktsiya i vneshnie svyazi eniseyskikh yazykov [Poto-Yenisei reconstruction and external relations of the Yenisei languages]. In: Ivanov, Vyach.Vs. et al. (eds) *Ketskiy sbornik* [Ket collection]. Vol. 3. Leningrad: Nauka. pp. 144–237.
7. Trubachev, O.N. (1988) Priemy semanticheskoy rekonstruktsii [Methods of semantic reconstruction]. In: Mel'nichuk, A.S. et al. *Sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie yazykov raznykh semej. Teoriya lingvisticheskoy rekonstruktsii* [A comparative-historical study of languages of different families. The theory of linguistic reconstruction]. Moscow: Nauka. pp. 197–222.
8. Kullanda, S.V. (1998) Sistemy terminov rodstva i prayazykovye rekonstruktsii [Systems of kinship terms and proto-linguistic reconstructions]. In: *Algebra rodstva* [Algebra of kinship]. Vol. 2. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences. pp. 47–74.
9. Anikin, A.E. (2000) *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov v Sibiri: zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological dictionary of Russian dialects in Siberia: Borrowings from the Uralic, Altai and Paleo-Asian languages]. Moscow: Novosibirsk: Nauka.
10. Ioganzen, B.G. (1948) *Ryby basseyna reki Obi: nauchno-populyarnyy ocherk* [Fish of the Ob River Basin. A Popular Science Essay]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Rasteniya i zhivotnye. (2003–2009) *Semeystvo lososevye* [Salmonidae]. [Online] Available from: <http://www.floranimal.ru/families/3318.html> (Accessed: 04.04.2020).
12. *Entsiklopediya ryb* [Encyclopedia of fish]. [Online] Available from: <http://fish-book.ru/> (Accessed: 05.04.2020).
13. Rasteniya i zhivotnye. (2003–2009) *Sel'd' vostochnaya* [Pacific herring]. [Online] Available from: <http://floranimal.ru/pages/animal/s/3274.html> (Accessed: 05.04.2020).
14. Ioganzen, B.G. (1951) Rybnye resursy Tomskoy oblasti i kul'tura ikh osvoeniya [Fish resources of Tomsk Oblast and the culture of their development]. In: Makarov, V.T. (ed.) *Rybnoe khozyaystvo Tomskoy oblasti i produktivnost' vodoemov* [Fish industry of Tomsk Oblast and the productivity of water bodies]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 9–40.
15. Rasteniya i zhivotnye. (2003–2009) *Ersh* [Ruffe]. [Online] Available from: <http://www.floranimal.ru/pages/animal/jo/3963.html> (Accessed: 04.04.2020).
16. Kastren, M.A. (1999) Laplandiya. Kareliya. Rossiya [Lapland. Karelia. Russia]. In: Parkhimovich, S.G. (ed.) *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two volumes]. Vol. 1. Tyumen: Izd-vo Yu. Mandriki.
17. Rasteniya i zhivotnye. (2003–2009) *Chebak* [Siberian roach]. [Online] Available from: <http://www.floranimal.ru/pages/animal/ch/3509.html> (Accessed: 04.04.2020).
18. Ioganzen, B.G. & Petkevich, A.N. (1948) *Promysel ryby lovushkami na vodoemakh Sibiri* [Fishing with traps in the reservoirs of Siberia]. Novosibirsk: Izd-vo Glavsibrybprom.
19. Ioganzen, B.G. & Petkevich, A.N. (1945) *Zapornyy promysel ryby v Zapadnoy Sibiri i ego ratsionalizatsiya* [Blocking type of fishery in Western Siberia and its rationalization]. Tomsk: Krasnoe znamya.
20. Kulemzin, V.M. (2002) Vasyugan i Vakh: ot Sireliusa do sovremennosti [Vasyugan and Vakh: From Sirelius to the present]. In: *Trudy muzeya arkhologii i etnografii Sibiri im. V.M. Florinskogo TGU* [Proceedings of the TSU V.M. Florinsky Museum of Archeology and Ethnography of Siberia]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 199–207.
21. Kuznetsova, N.G. (1990) Suffiksy otymennoy glagol'noy derivatsii v dialektakh sel'kupskogo yazyka [Suffixes of the nominal verb derivation in dialects of the Selkup language]. *Linguistica Uralica*. (1) XXVI. pp. 43–56.

22. Kuznetsova, A.I., Khelimskiy, E.A. & Grushkina, E.V. (1980) *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt* [Essays on the Selkup language. Taz dialect]. Vol. 1 (8). Moscow: Moscow State University.
23. Golovnev, A.V. (1993) *Istoricheskaya tipologiya khozyaystva narodov Severo-Zapadnoy Sibiri* [Historical typology of the economy of the peoples of North-West Siberia]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
24. Gurevich, A.Ya. (1972) *Kategorii srednevekovoy kul'tury* [Categories of medieval culture]. Moscow: Iskusstvo.
25. Tokarev, S.A. (1972) Problemy obshchestvennogo soznaniya doklassovoy epokhi [Problems of public consciousness of the pre-class era]. In: Reshetov, A.M. (ed.) *Okhotniki, sobirатели, rybolovy. Problemy sotsial'no-ekonomicheskikh otnosheniy v dozemledel'cheskom obshchestve* [Hunters, gatherers, fishermen. Problems of socio-economic relations in a pre-agricultural society]. Leningrad: Nauka.
26. Faynberg, L.A. (1981) O vozmozhnykh etnograficheskikh analogakh pervobytnogo obshchestva okhotnikov i sobirateley [Possible ethnographic analogues of the primitive society of hunters and gatherers]. *Sovetskaya etnografiya*. 6. pp. 42–51.
27. Pershits, A.I. (1979) Etnografiya kak istochnik pervobytnoistoricheskikh rekonstruktsiy [Ethnography as a source of primitive historical reconstructions]. In: Pershits, A.I. (ed.) *Etnografiya kak istochnik rekonstruktsii istorii pervobytnogo obshchestva* [Ethnography as a source of reconstruction of the history of primitive society]. Moscow: Nauka. pp. 26–42.
28. Kabo, V.R. (1979) Teoreticheskie problemy rekonstruktsii pervobytnosti [Theoretical problems of the reconstruction of primitiveness]. In: Pershits, A.I. (ed.) *Etnografiya kak istochnik rekonstruktsii istorii pervobytnogo obshchestva* [Ethnography as a source of reconstruction of the history of primitive society]. Moscow: Nauka. pp. 60–107.
29. Kormushin, I.V. (1971) K metodike sravnitel'nogo izucheniya altayskikh yazykov [On the method of a comparative study of the Altaic languages]. In: Sunik, O.P. (ed.) *Problema obshchnosti altayskikh yazykov* [Problem of the commonality of the Altai languages]. Leningrad: Nauka. pp. 22–30.
30. Kuznetsova, A.I., Kazakevich, O.A., Ioffe, L.Yu. & Khelimskiy, E.A. (1993) *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt: ucheb. posobie* [Essays on the Selkup language. Taz dialect: A textbook]. Moscow: Moscow State University.
31. Gemuev, I.N. & Pelikh, G.I. (1983) O pogrebal'noy obryadnosti sel'kupov [On the burial rituals of the Selkups]. *Acta Ethnographica Hungarica*. 38 (1–3). pp. 287–308.
32. Lukina, N.V. (ed.) (1994) *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essays on the cultural genesis of the peoples of Western Siberia]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
33. Sapir, E. (1993) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. Translated from English. Moscow: Progress.

Received: 26 August 2020